

СИБИРСКИЙ МОСТ

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАНИЛ ВЕКТОР

Сибирский мост

Данил Вектор

**Сибирский мост.
Вавилонская башня**

«Автор»

2026

Вектор Д.

Сибирский мост. Вавилонская башня / Д. Вектор — «Автор»,
2026 — (Сибирский мост)

Становление человечества как единой космической цивилизацией
продолжается. Годы 1–15 после приземления инопланетного артефакта.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Семнадцатый	9
Глава 2. Последний доллар.	12
Глава 3. Люди на кольце.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Данил Вектор

Сибирский мост. Вавилонская башня

Пролог.

Локация: Курортный город на побережье.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над морем в густые, фиолетовые тона. Лёгкий бриз доносил запах соли и цветущих пантроп — декоративных растений, завезённых с другого континента и идеально прижившихся на здешних курортах. Для туристической жемчужины этого побережья это был идеальный вечер.

Мужчина поставил на полированный каменный столик два высоких бокала с темно-синим напитком «Галактическая искра», внутри которого мерцали звездные точки, напоминающие спиральную галактику. Затем он тяжело опустился на сиденье ла напротив.

— Держи, брат.

Ник взял бокал, с наслаждением вдохнул цитрусовый аромат и отпил. — Спасибо, Хак. Если бы не ты, я бы так и не выбрался из кабинета. Я чуть не загнал себя с подготовкой к отражению вторжения.

— Хорошо, что ты это понимаешь. — Хак сделал большой глоток и откинулся на спинку кресла, наблюдая, как над водой бесшумно скользят частные гравитационные яхты. — Отдыхать тоже нужно. Голова должна быть ясной, а то так и свихнуться можно.

Ник кивнул, глядя на невероятно чистое небо, где уже загорались первые звёзды. — Да... если бы не эта проклятая война с пришельцами, я бы сейчас бороздил просторы вселенной. Мечтал об этом с детства.

Вдруг тишину вечера разорвал звук. Не взрыв, а скорее низкий, вибрирующий гул. Ник замер с бокалом в руке, глядя в небо.

— Что за... — начал он.

Ослепительная белая вспышка разорвала фиолетовый закат. Она была такой яркой, что на мгновение превратила ночь в день, выжгла тени и оставила на сетчатке глаза пляшущие пятна. А потом они увидели его. Огненный болид, пылающий зелёным и оранжевым, нёсся прямо на них, прочерчивая в небе жирную, дымную полосу. Он был огромен. Он был не один.

— Твою мать! — Хак вскочил, опрокинув тяжёлый столик. Бокалы полетели вниз и разбились о каменную брусчатку. — Началось!

Ник стоял, парализованный зрелищем. Десятки, сотни огненных шаров сыпались с неба, как проклятие. — Но... не может быть! Мы рассчитывали на годы!

— Это прорыв! Бежим! — Хак схватил брата за плечо и рванул с набережной прочь от воды, к массивным зданиям курорта.

Вокруг уже начиналась паника. Крики отдыхающих смешались с воем сирен, который включился почти мгновенно — дежурные системы оповещения среагировали быстрее очевидцев. С неба дождём сыпались обломки. Рядом с ними, в сотне метров, в набережную врезался кусок оплавленного металла размером с гравимобиль. Взрывной волной Хака и Ника швырнуло на стену ресторана. В ушах звенело.

— Сюда! — Хак, тяжело дыша, втащил брата за угол массивного здания. Они прижались к стене, пытаясь отдышаться.

— Это... это не полномасштабное вторжение, — выдавил из себя Ник, хватаясь за грудь. — Слишком мало кораблей. Прорыв блокады наверно. Часть флота прорвалась!

— Мне плевать, как это называется! — рявкнул Хак. — Надо забирать жён и детей. И быстро рвать на эвакуацию!

— Смотри! — Ник, высунувшись из-за укрытия, указал на пляж. Один из болидов, один из самых крупных, рухнул прямо в прибрежный песок, подняв тучу пара и пепла. Но это было не просто падение.

Обшивка «корабля» не горела. Она трансформировалась. Металл, покрытый чёрной, матовой окалиной, начал пульсировать, разрываться, сворачиваться, обнажая под собой нечто живое, органическое. Из дыма и пламени выползло существо, от одного вида которого хотелось спрятаться и тихо жалобно застонать.

Это была гигантская личинка, размером с пассажирский автобус. Её сегментированное, студенистое тело, переливающееся грязно-оранжевым, было частично заключено в хитиновый панцирь, в который, словно хирургические инструменты, были вплавлены металлические конечности и сегменты брони. Из «головы» торчали фасеточные глаза, лишённые всякого выражения, и жвалы, которые с мерзким хрустом перемалывали воздух.

Чудовище, покачиваясь, поползло вверх по пляжу. Прямо на его пути, вжавшись спиной в парапет набережной, сидела молодая женщина. Она не кричала. Она просто смотрела на приближающуюся смерть широко раскрытыми, остекленевшими глазами, парализованная ужасом.

Ник не думал. Он просто рванул вперёд, вылетев из-за здания.

— Ник, стой, идиот! — заорал Хак, но было поздно.

Ник подлетел к женщине, схватил её за холодную, безвольную руку и рванул на себя, заставляя встать.

— Бежим! — закричал он ей прямо в лицо.

Она, наконец, моргнула, и наконец ступор пропал в её глазах появился страх. Она, спотыкаясь, побежала за ним. Хак, выскочив следом, лихорадочно оглядываясь на монстра. Личинка, заметив движение, ускорила. Её металлические конечности с лязгом вгрызались в каменные плиты набережной.

Они влетели в узкий проулок между отелем и сувенирной лавкой.

— У тебя есть транспорт?! — выдохнул Ник, встряхивая женщину за плечи. Та была в лёгком пляжном платье и явно не в себе. — Эй! Смотри на меня! У тебя есть транспорт?!

Её глаза, необычного бирюзового оттенка, наконец сфокусировались на его лице. Она судорожно кивнула и дрожащей рукой указала на ближайшую парковку, где сиротливо стоял небольшой персональный флаер — судя по модели, взятый в прокат.

— Тогда бежим!

Они вылетели из проулка. Личинка была уже в сотне метров, перегородив им путь к парковке. Из её пасти вырвался утробный, вибрирующий звук. Внезапно воздух разрезали две яркие вспышки лазерных лучей. С неба, со стороны центра города, спикировали два полицейских дроида — грациозные, быстрые машины с эмблемой городской администрации на корпусах.

Они открыли огонь из встроенных турелей. Лазеры прожигали дыры в хитиновом панцире личинки, выжигая органику. Существо взревело, забило, но не отступило. Его металлические конечности с неожиданной скоростью взметнулись вверх. Один из дроидов, зазевавшись, попал прямо в механическую клешню. Металл хрустнул, дроид, высекая искры, рухнул на мостовую. Второй дроид попытался уйти на высоту, но личинка выбросила вперёд щупальце, которое почему-то не было видно раньше. Оно обвило корпус дроида, притянуло к жвалам. Раздался скрежет и глухой хлопок — и дроид перестал существовать.

Бой был проигран за десять секунд.

— К флаеру! — Хак уже был на парковке, безуспешно дёргая ручку двери.

— Ник за руль! — закричал Хак. — Я так и не научился летать!

Ник оттолкнул брата, упал на водительское сиденье и одним движением вплёл свои пальцы в биометрическую рукоятку управления. Двигатели взвыли.

— Залезайте!

Хак буквально зашвырнул женщину на заднее сиденье, втиснулся сам, и захлопнул дверь. Ник рванул флаер вверх так резко, что гравикомпенсаторы не справились, и всех вдавило в кресла. Металлическая клешня личинки клацнула в сантиметре от днища.

Флаер, царапая крышу соседнего здания, ушёл в вечернее небо, оставляя позади монстра, который, задрвав голову, провожал их пустым фасеточным взглядом.

В салоне царил тишина, нарушаемая только свистом воздуха и тяжелым дыханием. Ник лихорадочно работал с навигацией, уклоняясь от падающих обломков. Один горящий кусок металла пронёсся так близко, что флаер тряхнуло ударной волной. Ник вогнал машину в крутое пике, пролетел над крышами, чудом не врезавшись в башню отеля, и снова взмыл вверх.

— Извини, — бросил он, мельком взглянув в зеркало заднего вида на бледную женщину.

— Как тебя зовут? — спросил Хак, пытаясь отдышаться.

Тишина.

— Эй, — он повернулся к ней. — Как тебя зовут?

— Эн... — её голос сорвался. Она сглотнула. — Эн. Энж. — Она заикалась от пережитого ужаса.

— Отлично, Энж, — кивнул Хак. — Меня зовут Хак. А этот лихач за штурвалом — Мой брат Ник.

Ник кивнул, не отрываясь от управления.

— Энж, — голос Хака стал серьёзнее и мягче одновременно. — Нам нужно на эвакуацию. Но сначала надо забрать наши семьи. Они сейчас в коттедже Ника. Потом летим на главный космодром. Тебе нужно кого-то забрать?

Энж покачала головой. — Нет. Я одна.

— Тогда летишь с нами, — отрезал Хак.

— Но я приписана к эвакуационному сектору в другом городе, — тихо сказала она.

Ник, маневрируя между дымными шлейфами падающих обломков, вмешался в разговор. — Не волнуйся, Энж. Приписка — это для плановой эвакуации. Сейчас экстренный режим. — Он ткнул пальцем в центральный дисплей флаера, активируя общий канал. Голос автоматического диктора, спокойный и ровный, заполнил салон.

«Внимание жителям! Объявлена экстренная эвакуация. Это не полномасштабное вторжение, а частичный прорыв блокады. Силы Объединённого Космофлота сдерживают противника на окраине системы. Всем гражданам следовать к ближайшим эвакуационным пунктам. Повторяю...»

Ник выключил звук. — Слышала? Будут пускать всех. А я, — он усмехнулся, хотя в глазах был холод, — капитан одного из этих кораблей. Так что прорвёмся.

Флаер, царапая брюхо о верхушки деревьев парка, заложил вираж, уходя от очередной падающей конструкции. Энж вцепилась в подлокотники, но промолчала.

Они приземлились на лужайке перед двухэтажным коттеджем в пригороде. Едва шасси коснулись земли, как из дома выбежали две женщины. Ник и Хак выскочили из флаера. Жёны повисли у них на шеях, всхлипывая и что-то быстро говоря.

— Тише, тише, — успокаивал Хак свою жену. — Мы здесь. Мы вместе.

Ник, обнимая свою супругу, кивнул в сторону флаера. — Познакомьтесь, это Энж. Мы спасались вместе с набережной. Добрались на её флаере.

Пока женщины приходили в себя, Ник уже стал отдавать распоряжения тоном, капитана корабля. — Берите тревожные чемоданы. Всё, как отработывали. Пять минут.

Через три минуты Хак и Ник, выносили багаж в небольшой грузовой отсек на посадочной площадке, заметили растерянность Энж. Ник исчез в доме и через мгновение вышел с небольшим, но вместительным чемоданом.

— Держи, — сказал он, протягивая его девушке. — Там в шкафу еще много вещей моей жены. Вы, кажется, одной комплекции. Набери себе практичной одежды. И что-нибудь тёплое. И для работы, если хочешь. У нас на борту пригодится любой специалист.

Энж взяла чемодан с благодарностью в глазах. Она скрылась в доме и через десять минут уже стояла перед зеркалом, одетая в спортивный костюм, а за спиной у неё висела сумка с парой строгих деловых костюмов. Всё-таки по специальности она была администратором, и, видимо, уже прикидывала, что на переполненном эвакуационном корабле без штабных не обойтись.

— Энж! — Хак обратился к девушке остановившись перед дверью комнаты. — Челнок почти подлетел. Пора выходить. — Он шагнул внутрь и без лишних слов забрал у неё тяжёлый чемодан.

Энж проводила его взглядом. Широкие плечи, спокойная уверенность в каждом движении, несмотря на хаос.

— Да, уже иду, — ответила она, выходя вслед за ним.

Они вышли на лужайку, где уже разворачивался посадочный модуль. Взрели двигатели, поднимая в воздух пыль и листву.

И тут Энж замерла на секунду, глядя на Хака, несшим её чемодан в челнок. Мысль, короткая и неожиданно тёплая, пронеслась в её голове, заглушая на миг вой сирен и гул двигателей:

«Какой всё-таки самец... И как всегда занят».

Энж глубоко вздохнула. Луч заходящего солнца пробился сквозь дым и пыль, упал на её грудь в вырезе комбинезона. На долю секунды свет отразился от мелких, едва заметных розовых чешуек, покрывающих кожу, и рассыпался мириадами бликов по стене коттеджа. Не замечая этого, она застегнула молнию — пора улетать с «Тиранты» — и побежала к трапу, на ходу поправляя сумку с костюмами. Прощай материнская планета.

Глава 1. Семнадцатый

Тишина в главной лаборатории центра «Восток» была не просто отсутствием звука. Она была физической субстанцией, вытеснившей воздух, — густой, слышимой, как гул в ушах после взрыва. Она висела между приборами, чьи экраны мерцали зелёными и синими волнами, расшифровывающими язык пришельца. Алина Космодемьянская сидела неподвижно, её поза была неестественно прямой, будто её заморозили в кресло оператора. Перед ней на главном экране замерла цепочка символов — не часть сложного кода или нейронной карты, а простая, чудовищная по своему значению последовательность: ИДЕНТИФИКАТОР: 017. СЕКТОР: РУКАВ ОРИОНА. ПОРЯДКОВЫЙ НОМЕР НАЗНАЧЕНИЯ: 017.

Она смотрела на эти цифры долгих десять секунд, её мозг, обычно молниеносно анализирующий терабайты данных, с трудом преодолевал простейший барьер осознания. Потом её пальцы, лежавшие на столе, медленно сжались в белые, костлявые кулаки. Она откинулась на спинку кресла, и в гробовой тишине прозвучало низкое, отборное русское проклятие, вырвавшееся из самой глубины диафрагмы, лишённое даже тени академической сдержанности:

—Твою мать. Протянула Алина. Твою же мать.

Секунду она просто смотрела в перфорированную плитку потолка, будто сверяя увиденное на экране с внутренней, нарисованной гением картой вселенной. Затем её тело резко, почти машинально пришло в движение. Она сорвалась с места так, что кресло откатилось и ударилось о стену.

—Всем тихо! — её голос, резкий как удар бича, заставил вздрогнуть двух техников у дальней консоли. — Мне немедленно и срочно нужна прямая связь с верхом. С кем именно? — С генералом, с президентом, хоть с папой римским не важно. Семнадцать. Они нас пронумеровали.

Час спустя она сидела в изолированной комнате с глушилками, глядя в монитор с гербовой символикой. На экране — сосредоточенное, непроницаемое лицо президента. Он слушал, не перебивая.

—Нет, это не про ускоритель. Мы докопались до одного из базовых, системных идентификаторов в ядре данных. Это как серийный номер на изделии. У нашего «гостя», у «Ковчег», он есть. И этот номер — семнадцать.

Она сделала паузу, давая цифре врезаться в сознание так же, как она врезалась в её собственное.

—Гипотезы? Их всего две, и обе переворачивают всё с ног на голову. Первая: он семнадцатый по счёту «Ковчег», достигший Земли. Маловероятно. В данных есть отсылка только к одному непосредственному предшественнику, чьи фрагменты, как мы полагаем, мы и нашли в вечной мерзлоте Якутии. Вторая гипотеза — Космодемьянская сделала глубокий вдох, будто перед прыжком в ледяную воду. — Мы — семнадцатые. По счёту. В наших галактических окрестностях.

— Каких именно окрестностях? «Квандрант сто на сто световых лет?» —спросил президент. Его голос стал суше, техничнее, отключилась политика, включился аналитик.

— Квандрант? Нет, даже две цивилизации для одного квандранта много— покачала головой Алина. — Масштаб на порядки больше. Судя по сопутствующим навигационным меткам, речь идёт о спиральном рукаве. Нашем рукаве. Рукаве Ориона.

В трубке повисло молчание. Не пауза для размышления, а тяжёлая, гулкая тишина, в которой тонули все возможные слова. Президент отвёл взгляд от камеры, его глаза на секунду встретились с кем-то за пределами кадра. Потом он снова посмотрел прямо на неё.

—Объясните, что это означает. Всё, что это означает.

— Это означает, — чётко, по слогам, проговорила Космодемьянская, — что в нашем галактическом рукаве, в этой конкретной ветви Млечного Пути, как минимум семнадцать звёздных систем, в которых существует, существовала или будет существовать разумная жизнь, достигшая определённого технологического порога. И это, извините за простоту, одновременно и лучшая, и худшая новость за всю историю нашего вида.

Через двенадцать часов зал заседаний Совета Безопасности ООН, экстренно преобразованный для глобальной видеоконференции, напоминал не место для дискуссий, а скорбный виртуальный собор. На гигантских экранах, разделённых на десятки секций, замерли лица глав держав, их советников, военных — всех, кто имел уровень доступа «Омега». Выражения были разные: от леденящего спокойствия до не скрываемого шока. Но всех объединяла одна черта — крайняя степень сосредоточенности. В центре этой паутины из взглядов, как в эпицентре бури, находилось увеличенное изображение лица Алины Космодемьянской. Оно было неумолимым, как приговор, высеченный на граните.

— Я буду кратка, поскольку время — фактор, который мы больше не можем тратить, — начала она, её голос, усиленный системой синхронного перевода, звучал в наушниках у каждого участника. — Мы получили доступ к системному идентификатору артефакта, известного как «Ковчег». Его порядковый номер — семнадцать. Географическая привязка — Рукав Ориона. Это не интерпретация. Это факт, выбитый в его коде.

Она сделала паузу, дав переводчикам догнать.

—Для понимания масштаба приведу цифры. Рукав Ориона. Его протяжённость — порядка 11 000 световых лет. В нём, по современным оценкам, находится от пятисот миллионов до двух миллиардов звёзд. Примерно каждый двадцатый светил — солнцеподобная звезда. Из них, по пессимистичным оценкам, каждая пятая имеет планеты в зоне обитаемости. Дальше — фильтр возникновения жизни и фильтр развития разума. Проведя расчёты через наши модели и откалибровав их по единственному известному факту — нашему собственному существованию, — мы получаем оценку: в пределах Рукава Ориона цивилизаций, достигших как минимум нашего текущего технологического уровня, должно быть от тридцати до ста. Мы — семнадцатые в этом списке рассылки.

На экране с президентом Франции кто-то закрыл лицо ладонью. Премьер-министр Японии неподвижно смотрел перед собой, его лицо было маской.

—Что это даёт? Хорошие новости? Теоретически, у нас появился потенциальный список контактов. Теоретически, мы не одиноки, и у человечества могут появиться союзники в глобальном, галактическом смысле. Плохие новости? Они гарантированно появятся. Конкуренты. Соперники. Или, что существенно вероятнее, — чуждые формы разума, чьи цели, этика и биология не имеют с нами ничего общего.

Она переключила слайд. На экране появилась схематичная карта рукава с разбросанными точками.

—Расстояния чудовищны. Десятки, сотни световых лет. Но технологии Мы не имеем ни малейшего понятия, на каком витке развития находятся цивилизации под номерами один, пять или шестнадцать. Они могут опережать нас на сотни, тысячи, десятки тысяч лет. Их «детство» могло пройти в условиях, которые мы даже не можем смоделировать. Их биология может быть кремниевой, плазменной, чисто информационной. Их мотивация — абсолютная «терра инкогнита». Нельзя исключать, что наши ближайшие, по галактическим меркам, соседи окажутся не гуманистами, а, простите за ненаучную аналогию, «слизняками, пожирающими мозги». Она показала кавычки в воздухе пальцами, жест был резким и нервным.

—Что из относительно обнадеживающего? Если в нашем галактическом квартале есть соседи То время до возможного контакта с «Пожирателями» — больше 50 лет. Им придётся пробиваться через «передовую». Через миры номер один, два, три и так далее. Каждый из этих миров — потенциальный барьер, точка сопротивления. Но! — её голос усилился. — Это палка

о двух концах. Если эти миры — адекватные, разумные цивилизации, возможно, им уже сейчас нужна помощь. Или, как минимум, координация. Их барьер — это и наш будущий барьер. Их поражение — наша предварительная капитуляция. Мы оказываемся частью галактической геополитики, о которой не имели ни малейшего представления сутки назад.

Алина Космодемьянская откинулась назад, её взгляд, острый и тяжёлый, будто обжёг каждый отдельный экран в зале.

—Но главный вывод, господа, не в оценке угроз или поиске союзников. Главный вывод в том, что наша изоляция закончилась. Вчера мы могли считать себя одинокими, могучими, пусть и глупыми детьми в пустой, бескрайней песочнице. Сегодня мы получили наш почтовый индекс в галактическом городе. Семнадцать, улица Рукав Ориона, Млечный Путь. И все соседи по этому городу теперь, благодаря сигнатурам «Ковчега», его энергетическому всплеску при активации, знают или скоро узнают, что в семнадцатой квартире обезьяны не просто научились добывать огонь и рисовать на стенах пещер. Этим обезьянам только что вручили термоядерную бомбу, чертёж к звёздным воротам и инструкцию по перепрошивке собственного сознания.

Она замолчала, и эта тишина была оглушительнее любого выступления.

—С этого момента, — её голос упал до шёпота, который, однако, услышали все, — мы больше не можем позволить себе роскошь быть просто людьми. Мы должны в авральном порядке стать единой цивилизацией. Мы должны занять своё место за общим, галактическим столом. И мы должны сделать это быстро, умно и сплочённо. Пока это место, — она снова подняла голос, — не занял кто-то другой, для кого мы — не коллеги по разуму, а просто семнадцатый по счёту ресурс. Вопросы есть?

В эфире, на всех языках Земли, царила одна и та же тишина. Та самая, что наступает после того, как произнесены слова, после которых возврата нет. Тишина детства, окончившегося в один миг. Тишина человечества, которое только что, глядя в экран, осознало, что из тёмного окна напротив на него тоже кто-то смотрит. И теперь нужно решать, махать ему рукой или хвататься за оружие.

Глава 2. Последний доллар.

День 400

Локация: Зал Федерального резерва, Вашингтон, округ Колумбия (территория Североамериканской экономической зоны Совета Земли).

Зал, где когда-то принимались решения, влиявшие на судьбы миллиардов, теперь выглядел музейным экспонатом. Мраморные колонны, тяжёлые бронзовые светильники, дубовые панели — всё это сохранилось, но служило теперь не фоном для тайных переговоров банкиров, а декорацией для акта, который должен был поставить точку в истории финансового мира, длившейся почти триста лет.

За длинным столом, за которым некогда заседал Совет управляющих Федеральной резервной системы, теперь сидели двадцать три человека. Представители Экономического комитета Совета Земли, главы национальных казначейств стран-участниц, технические специалисты по расчётным системам. Во главе стола, там, где раньше было место председателя ФРС, стояла Майя Рендольф.

Четыреста дней назад её имя прогремело по всему миру. Журналистка, обнародовавшая записи секретных переговоров и заплатившая за это свободой. Её сделали символом новой, чистой политики, свободной старых элит. Она не хотела этого. Но история выбрала её.

На ней был строгий тёмно-серый костюм, неброский, почти аскетичный. Единственным украшением была маленькая брошь на лацкане — стилизованная буква Σ , греческая «сигма», выполненная из матового серебра.

За её спиной, на стене, где раньше висел герб Федеральной резервной системы, теперь светилась голографическая карта Северной Америки, испещрённая светящимися линиями новых транспортных артерий, энергетических сетей и промышленных кластеров. Над ней, крупными буквами, высвечивалась надпись: «Экономическая Хартия Совета Земли. Статья 12. Единая глобальная расчётная единица — СИГМА».

Вдоль стен, за бархатными канатами, стояли журналисты. Их камеры фиксировали каждое движение, каждое слово. Трансляция шла в реальном времени на все континенты, на орбитальные станции, на лунные базы. Более девяти миллиардов человек смотрели на экраны своих устройств, ожидая, когда в старом храме денег будет произнесено последнее слово старой эпохи.

Майя не готовила речь. Она никогда не готовила речи. Её даром было говорить то, что она думала, без оглядки на последствия. Этот дар привёл её в тюрьму. Этот же дар привёл её и в овальный кабинет.

— Коллеги, — начала она. Голос её был низким, хриловатым — наследие алкоголя и сигарет, от которых она так и не смогла полностью отказаться. — Четыреста дней назад я сидела в камере в Рейкьявике и думала, что всё кончено. Что меня или сгноят, или сделают показательным процессом. Я не знала, что через четыреста дней буду стоять здесь и говорить с вами как президент Соединённых штатов Америки. Но знаете, что я поняла за эти четыреста дней? Что мир, который мы потеряли, был не таким уж хорошим. А мир, который мы строим, может стать лучше. Если мы не облажаемся.

По залу прокатился сдержанный смешок. Майя не улыбнулась.

— В старом мире, — продолжила она, — у каждой страны была своя валюта. Доллар, евро, юань, рубль — всё это были обещания. Обещания, которые часто нарушались. Обещания, за которые люди убивали. Обещания, которые делали одних богами, а других — рабами. Я видела это своими глазами. Я писала о войнах, которые начинали ради нефти. О кризисах, которые обрушивали экономики целых континентов. О детях, которые умирали от болезней, которые можно было вылечить за копейки, пока миллиардеры покупали яхты. И каждый раз за

всем этим стояли деньги. Бумажки с картинками, которые становились важнее человеческих жизней.

Она подошла к столу, взяла в руки небольшой предмет, лежащий на специальной подставке, и подняла его так, чтобы камеры могли видеть. Это была однодолларовая банкнота. Старая, потрёпанная, с портретом Джорджа Вашингтона и пирамидой на оборотной стороне.

— Этот доллар, — сказала Майя, — прошёл через тысячи рук. Им платили за хлеб и оружие. На нём замешаны судьбы миллионов. И сегодня он станет последним долларом, который когда-либо будет напечатан Соединёнными Штатами. Не потому, что доллар плох. А потому, что время национальных валют закончилось. Мы больше не можем позволить себе роскошь торговаться, когда за нашими спинами — бездна.

Она положила банкноту обратно. В углу зала стоял куратор Исторического музея американской экономики — человек в белых перчатках, готовый принять экспонат.

— Сегодня, — голос Майи стал твёрже, — мы вводим «СИГМУ». Единую глобальную расчётную единицу Совета Земли. Сигма не печатается в подвалах. Её не контролируют банкиры. Сигма — это мера труда. Мера вклада каждого человека в общее дело выживания.

На голографическом экране за её спиной появилась простая, но ёмкая визуализация: огромное колесо, в центре которого — Земля, а по краям — шестерёнки, символизирующие промышленность, науку, сельское хозяйство, транспорт. Между ними бежали светящиеся линии — потоки Сигмы. И в самом центре, над всем, — стилизованная буква Σ , знак суммы, знак объединения.

— Каждый из вас получает базовый счёт, — продолжила Майя. — На него зачисляется сумма, достаточная для жизни. А дальше — сколько ты вложил в общее, столько и получишь. Учёный, строящий «Небесный Мост», получает больше, чем чиновник, переключивший бумаги. Пилот, уходящий в дальний космос, получает больше, чем менеджер, сидящий в офисе. Но никто, — она подчеркнула это слово, — никто не может получить больше, чем в сто раз превышает базовую ставку. Потому что никто не работает в сто раз лучше других. А если кто-то думает иначе — пусть докажет.

В зале послышались аплодисменты.

— В старой системе, — продолжила Майя, — деньги были оружием. Их копили, чтобы покупать власть. Их прятали в офшорах, чтобы не платить налоги. На них спекулировали, создавая кризисы из воздуха. Сигма — это не оружие. Это инструмент. Как молоток. Как сварка. Как двигатель. Её нельзя накопить, чтобы купить себе право не работать. Её нельзя спрятать — система прозрачна. Её нельзя использовать, чтобы давить на других. Только для того, чтобы жить. Достойно. Честно. Без страха, что завтра ты останешься ни с чем.

Она сделала паузу и добавила с лёгкой усмешкой:

— Я знаю, что многие из вас боялись, что я буду говорить пафосные речи о светлом будущем. Не бойтесь. Я журналист, а не оратор. Я просто говорю вам факты. Факт первый: старый мир умер. Факт второй: у нас есть шанс построить новый. Факт третий: если мы облажеемся, второго шанса не будет. Всё.

Она обвела взглядом зал.

— Голосую.

Голосование заняло меньше минуты. Руки поднимались одна за другой — представители России, Китая, Индии, Бразилии, Африканского Союза, Австралийской федерации, Японии. Даже те, кто ещё неделю назад сомневался, теперь кивали. Система Сигмы была принята единогласно.

Майя кивнула и отошла от стола. Куратор музея, пожилой человек с дрожащими руками, принял однодолларовую банкноту, поместил её в прозрачную капсулу и загерметизировал. Он посмотрел на Майю с уважением и лёгкой грустью.

— Я думал, доллар будет вечным, — тихо сказал он.

— Ничто не вечно, — ответила Майя. — Кроме, может быть, человеческой глупости.

Она вышла из зала через боковую дверь, в сопровождении двух охранников и помощницы. В коридоре её ждал Майкл Рейн — в простой тёмной рубашке. Он не был членом правительства, но без него этот день, возможно, не наступил бы. Именно он, когда-то, сидя в ангаре на Лонг-Айленде с пятью тенями старого мира, продал интеграцию Запада в новую систему. Именно он профинансировал первые испытания гравитационных двигателей. Именно он нашёл Майю в тюрьме и сказал: «Хватит писать. Пора делать».

— Поздравляю, госпожа президент, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Ты справилась.

— Справилась? — Майя остановилась, посмотрела на него. — Майкл, это было чертовски сложно. Год. Целый год уговаривать, давить, объяснять, терпеть истерики финансистов, улаживать конгрессменов, которые до сих пор не могут поверить, что их «золотой запас» больше не стоит ничего. Ты хоть представляешь, сколько нервов я на это потратила?

— Представляю, — спокойно ответил Майкл.

— А теперь скажи мне, — Майя шагнула к нему ближе, понизив голос, чтобы охрана не слышала, — как, чёрт возьми, ты умудрился построить космические корабли быстрее, чем мы объединили экономики? И это при поддержке России, Китая и Индии. Ты за какие-то месяцы сделал то, на что у нас ушёл год. Как?

Майкл усмехнулся, но не насмешливо, а скорее задумчиво. Он отложил планшет, прилонился к стене и сложил руки на груди.

— Во-первых, Майя, мне никто не мешал. Понимаешь, когда я начинал строить свои корабли, у меня не было комитетов по этике, не было профсоюзов, требующих обсудить цвет обшивки, не было сенаторов, которые требовали отчёты за каждый потраченный доллар. У меня была команда инженеров, которые понимали, что время — это единственный ресурс, который мы не можем восполнить. И я дал им свободу. Свободу ошибаться. Свободу делать быстро. Свободу не спрашивать разрешения, а спрашивать прощения, если что-то пойдёт не так. У нас не было времени на бюрократию. У нас было время только на результат.

Майя нахмурилась, но не перебила.

— Во-вторых, — продолжил Майкл, — у меня была база. Ты думаешь, мы построили гравитационные двигатели с нуля за четыреста дней? Нет. Мы их собрали. Потому что всё, что нужно для космических полётов, мы уже имели. Ракеты, двигатели, системы жизнеобеспечения, навигацию — всё это существовало десятилетиями. Мы просто не умели использовать это эффективно. Мы тратили девяносто процентов энергии на борьбу с гравитацией. На то, чтобы оторваться от Земли. На то, чтобы преодолеть её притяжение. Мы бились с ней, как с врагом.

Он сделал паузу, и в его глазах появился тот самый огонь, который когда-то зажгёт в нём Майю — огонь одержимости.

— А потом пришли данные из «Ковчега». И мы поняли, что гравитация — не враг. Она — инструмент. Как атмосфера для крыльев самолёта. Самолёт не борется с воздухом. Он использует его, чтобы лететь. Подъёмная сила, обтекание, аэродинамика — это не преодоление, а взаимодействие. То же самое с гравитацией. Раньше мы толкали корабли вверх, сжигая тонны топлива, преодолевая притяжение. Теперь мы научились настраивать корабль на гравитационное поле Земли. Не бороться с ним, а встраиваться в него. Использовать его как рельсы, по которым можно скользить. Это не магия. Это физика. Которую мы наконец-то начали понимать.

Майя слушала молча. Потом медленно кивнула.

— То есть ты хочешь сказать, что мы объединили экономики, грызясь за каждый цент, а ты просто взял и полетел?

— Я не просто взял и полетел, — возразил Майкл. — Я собрал лучших инженеров, дал им ресурсы и сказал: «Делайте». А вы... вы пытались объединить мир, в котором каждая страна

привыкла тянуть одеяло на себя. Это разная сложность. Корабль — это инженерная задача. А экономика — это люди. С людьми всегда сложнее.

Майя усмехнулась.

— С людьми сложнее, говоришь? Это я и без тебя знаю. Год, Майкл, год я убеждала их, что доллар больше не спасёт их задницы. А они всё равно цеплялись. Как за спасательный круг, который давно прохудился.

— Но ты убедила.

— Убедила, — согласилась Майя. — Потому что у них не было выбора. Как и у меня, кстати.

Она посмотрела на часы, висящие на стене коридора.

— Ладно, Майкл. Спасибо. За корабли. За то, что не дал нам сдохнуть в этой бюрократической трясине. И за то, что помог мне тогда.

— Не за что, — ответил он. — Ты тоже помогла мне и продолжаешь помогать.

— Да это так, — кивнула Майя. — Обязательно. А теперь извини, меня ждёт пресс-конференция. Надо объяснить девяти миллиардам человек, почему их сбережения превратились в цифры на экране.

Она повернулась и пошла по коридору, сопровождаемая охраной. Майкл остался стоять, глядя ей вслед.

Той же ночью. Временная резиденция президента США, Нью-Йорк.

Майя сидела на балконе своей квартиры — не президентского особняка, а обычной квартиры в Манхэттене, которую она отказалась менять на что-то более официальное. Внизу, на улицах, ещё гудели толпы. Люди праздновали или протестовали — трудно было разобрать. В любом случае, все уже сделано и обратной дороги нет.

В руке у неё был стакан воды со льдом. Госпожа президент смотрела на огни города, которые менялись на глазах: неоновые вывески банков гасли, уступая место голографическим логотипам промышленных кластеров и научных центров.

Планшет на столике мигнул уведомлением. Она взяла его, прочитала: «Система СИГМА активирована. Баланс вашего счёта: 1500 единиц (базовая ставка). Коэффициент профессии: 4.7 (президент США, категория высшего управления). Итого к зачислению: 7050 Σ. Следующее зачисление: через 30 дней».

Майя усмехнулась. Семь тысяч. Больше, чем у учителя, но меньше, чем у пилота космолета. Справедливо.

Она оставила стакан, посмотрела на небо. Где-то там, за облаками, строились корабли Майкла. Корабли, которые летят не борясь с гравитацией, а используя её. Как крылья. Как воздух. Как то, что всегда было рядом, но чего мы не умели видеть.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Новый мир.

В ту же ночь. Орбитальная верфь «Северное сияние», низкая опорная орбита.

Майкл Рейн стоял у иллюминатора своего шаттла, пристыкованного к строящемуся корпусу «Копья-8». Внизу, за триста километров, спала Земля. Её огни казались россыпью бриллиантов на чёрном бархате. А рядом, на орбите, в невесомости парили другие огни — строительные платформы, доки, модули будущего флота.

Его планшет пискнул. Сообщение от Майи: «Спасибо. За всё. Даже за то, что не сказал, что я была права насчёт виски».

Майкл улыбнулся и набрал ответ: «Ты всегда права. Даже когда не права. Спи. Завтра работы — до звезды».

Он убрал планшет и снова посмотрел на Землю. Там, внизу, только что началась новая эра.

Шаттл мягко отчалил от верфи, беря курс к станции «Вавилон». Гравитационные двигатели, настроенные на поле Земли, несли его вверх без малейшего усилия, без грохота, без огня.

Глава 3. Люди на кольце.

День 430

Локация: Строительная площадка «Небесного Моста», Восточно-Сибирская тайга, квадрат 74-Б.

Мороз под утро ударил так, что воздух превратился в колючую вату. Минус сорок семь — для местных это была привычная, рабочая температура. Для тех, кто приехал с юга, не только физическое испытание, но и духа. Но они были здесь. Тысячи людей, рассредоточенных по гигантской стройке, которая растянулась на десятки километров. Их дыхание превращалось в облака пара, подсвеченные прожекторами. Их лица скрывались под слоями утепленных масок и капюшонов, но глаза — глаза горели.

В центре всего этого, на высоте уже почти километр над землей, висело «Кольцо». У него не было опор, оно не висело на тросах. Оно парило, удерживаемое гравитационными матрицами, которые пульсировали ровным, едва заметным свечением. С земли оно казалось тонкой черной нитью, перечеркнувшей небо. Но те, кто работал на нем, знали: это нить толщиной в сотню метров, сплетенная из сверхпрочного композита, и на ней сейчас находилось больше десяти тысяч человек.

Бригадир пятидесяти двухлетний Сергей Жуков, монтажник-высотник из Норильска, стоял на краю монтажной платформы и смотрел вниз. Он не боялся высоты — двадцать пять лет работы на кранах и фермах приучили к ней, как к родной. Но здесь, когда под ногами не сталь, а гравитационное поле, а внизу — тайга, которая кажется пушистым ковром, чувство было другим. Не страшно. Странно.

— Шеф, сегмент 12-Г готов к стыковке! — голос в наушнике прозвучал резко, с помехами. Ветер на высоте был сильным, и связь иногда плыла.

— Вижу, — ответил Сергей, поправляя на голове шлем с интегрированным визором. — Алиев, твои люди закончили с герметизацией?

— Заканчиваем, — голос Алиева, молодого инженера из Баку, звучал почти фанатично как в старых фильмах про студентов строителей. — Но тут люфт по шву номер семь. Миллиметр. Я не хочу заливать его компаундом, пока не проверим температурный режим. Если сварка пойдет с напряжением, при цикличке поведет.

— Тогда вызывай контроль. Пусть сканируют. Время терпит, если навернется потом — хуже будет.

— Понял, шеф.

Сергей переключился на другой канал.

— Платформа «Восток-4», как у вас с подачей материала?

— Жуков, тут проблема, — ответил диспетчер, женщина с хриловатым голосом, которую все звали «Тётя Зина», хотя ей было едва за сорок. — Очередной контейнер с композитом завис на перегрузке. Лифты не справляются, поток забит. Ваш сегмент двадцатый по очереди. Ждите.

— Какая к черту очередь? — Сергей почувствовал, как внутри скребется злость и просится наружу. — У меня бригада на ветру уже три часа! Люди замерзают! Если мы не закончим стыковку до обеда, придется перекалибровать матрицы, а это еще сутки простоя!

— Я не регулирую потоки, Жуков. Это вопросы к логистам. Могу только передать вашу заявку с пометкой «срочно».

Сергей выругался, отключил канал и посмотрел на небо. Там, на орбите, уже виднелись огни станции «Вавилон» и строящихся верфей. А здесь, люди мерзли, ждали материалы и спорили с диспетчерами. Подумал он с горечью

Но он знал, что ругаться бессмысленно. Проблемы со снабжением были хроническими — слишком много всего нужно было одновременно: на орбиту, на Луну, на инфраструктуру моста на стройки по всему миру. И «Небесный Мост», при всем его приоритете, все равно иногда оказывался в очереди.

Он посмотрел на своих людей. Пятнадцать человек в герметичных термокостюмах, с инструментом, пристегнутым к страховочным тросам. Они работали. Кто-то проверял узлы крепления, кто-то калибровал сварочные аппараты. Молодой парень, Степан, всего второй месяц на стройке, возился с датчиками и то и дело поглядывал вниз. Высота все еще давила на него.

Сергей подошел к нему, хлопнул по плечу.

— Стёп, не смотри вниз. Смотри на работу. Если будешь думать о высоте, она тебя съест.

— Да я привыкаю, Сергей Викторович, — парень виновато улыбнулся, хотя под маской улыбки видно не было, только глаза. — Просто понимаете, я из Рязани. Там высота — десятый этаж панельки. А тут

— А тут — будущее, — закончил за него Сергей. — Ты не на высоте, ты на стройке. Пойми разницы нету у тридцать метров или тысячи. Земля у нас одна, и она внизу. Всё.

Парень кивнул и вернулся к датчикам. Сергей отошел, вызвал по внутренней связи Алиева.

— Как там с люфтом?

— Контроль прислал данные, — голос Алиева звучал спокойнее. — Говорят, миллиметр в пределах допуска. Можно заливать.

— Тогда заливай. И давай заканчивать. У нас еще сегмент 14-Б на вечер, там нужно менять уплотнители.

— Понял.

Внизу, в бытовом городке, было теплее. Точнее, не теплее — мороз там был такой же, но можно было зайти в модуль, снять маску, выпить горячего чая и на час забыть о ветре, который наверху норовил сбросить с платформы.

Повар Анна Сергеевна, в простонародье звали просто «баба Аня», не смотря на возраст пятьдесят пять лет, раздавала обед в столовом модуле. Три смены, почти четыре сотни человек на ее учаске, и каждого нужно накормить горячим. Щи, каша, компот, хлеб — всё, как положено. Никаких изысков, но сытно и по-домашнему. Также была домашняя кухня других народов, народов участвующих в стройке.

— Проходи, Степа, проходи, — приговаривала она, когда очередная смена, красные от мороза, вваливалась в тепло. — Бери добавки, не стесняйся. Сегодня щи с говядиной, хорошие щи, на кости.

— Спасибо, баб Ань, — Степан взял поднос и сел в углу.

— Ты чего такой бледный? — спросила она, подходя ближе. — Замерз? Или высота?

— Да всё нормально, — он попытался улыбнуться. — Просто первый раз на такой работе. Дома, я на стройке работал, но там стены, перекрытия А тут воздух.

— Привыкнешь, — баба Аня налила ему еще компоту. — Мой муж, царствие ему небесное, тоже сначала боялся. А потом привык. Говорил: «Аня, я теперь только в небе и чувствую себя человеком».

— А он тоже здесь работал? — спросил Степан.

— Здесь, — кивнула она. — На первой очереди, когда только начинали. Первый год, самый ад. Он тогда и надорвался. Сердце не выдержало. Так и не вернулся.

Она помолчала, вытирая руки о фартук.

— Но я не жалею. Он знал, зачем поехал. И я знаю.

Степан посмотрел на нее, потом на тарелку с супом. Есть расхотелось, но он заставил себя.

После обеда Сергей Жуков не пошел отдыхать, а направился в модуль управления строительством. Там, за мониторами, сидели инженеры-логисты, которые пытались разгрузить вечную проблему — материалы не успевали, графики смещались, люди уставали.

— Товарищ Жуков, — его окликнул один из них, молодой китаец по имени Ли Вэй, говорящий по-русски с заметным акцентом, но вполне сносно. — У нас есть новость. Прибыла партия композитных панелей с завода. Три контейнера. Через два часа будут на вашем участке.

— Через два часа? — Сергей посмотрел на часы. — У меня смена через час заканчивается. Люди валяются с ног. Завтра утром, если подвезете к шести, я их встречу.

— Но график

— Ли, — Сергей подошел ближе, понизив голос. — Я понимаю график. Но если мои ребята сейчас пойдут на вторую смену без отдыха, они начнут ошибаться. А ошибка на высоте в минус пятьдесят — это не перерасход материала. Это труп. Ты хочешь трупов?

Ли Вэй помолчал, потом кивнул.

— Я согласен. Завтра в шесть. Я лично проконтролирую доставку.

— Договорились, — Сергей протянул руку. — И спасибо.

Они пожали друг другу руки, и Сергей вышел на улицу. Мороз все так же кусался, но теперь он почти не чувствовал его. Он думал о том, что рассказала баба Аня Степану. О муже, который не вернулся. О сотнях людей, которые здесь, на этой стройке, кладут свои жизни, чтобы через несколько лет человечество могло спокойно выходить на орбиту, не сжигая тонны топлива, а просто — парить.

Ночью, когда основные работы были приостановлены, на кольце оставались только дежурные смены. Сергей часто брал ночные дежурства — не потому, что ему нравилось, а потому, что в тишине, когда прожекторы тускнели и только гравитационные матрицы мерцали ровным синим светом, он чувствовал, как эта махина живет. Дышит. Ждет своего часа.

Он стоял на краю платформы, пристегнутый тросом, и смотрел вверх. Там, над головой, звезды казались ближе. Они не мерцали, как в городе, а горели ровно, холодно, бесконечно.

— Шеф, — голос в наушнике вывел его из задумчивости. Это был Алиев. — Я тут проверил расчеты по сегменту 14-Б. Если завтра до обеда не успеем сменить уплотнители, то придется откладывать калибровку.

— Успеем, — ответил Сергей. — Я договорился с логистом, материалы будут утром.

— А люди? Они же с утра пойдут на стыковку, потом на уплотнители

— А люди будут работать в две смены. Я оплачу сверхурочные из своего премиального фонда.

— Шеф, это не дело, — в голосе Алиева слышалась тревога.

— А что дело? — Сергей повернулся спиной к ветру. — Дело, Алиев, чтобы мост был готов вовремя. Чтобы наши дети, и их дети, и эти, — он махнул рукой в сторону звезд, — имели шанс. А мои Сигмы я не за ними сюда приехал.

В наушнике было тихо. Потом Алиев сказал:

— Я понял, шеф. Завтра в шесть буду на месте. И людей подниму.

— Спасибо.

Сергей отключил связь и еще раз посмотрел на звезды. Где-то там, неведомый враг приближался. Но здесь, на этом кольце, люди делали свое дело.

Утром, когда первые лучи солнца только начали золотить край тайги, на строительную площадку прибыли три тяжелых гравитационных транспорта. Они бесшумно опустились на разгрузочную площадку, и водители, тоже замерзшие и усталые, начали выгружать контейнеры с композитными панелями.

Сергей встречал их лично. Рядом стоял Ли Вэй, сверяя накладные.

— Всё по списку, — сказал китаец, закрывая планшет. — Ваши материалы.

— Спасибо, Ли, — Сергей хлопнул его по плечу. — Завтра я тебе должен бутылку. Скажем, хорошего коньяку.

— Я не пью, — улыбнулся Ли Вэй.

— А я пью. Значит, выпью за твое здоровье. Идет?

— Идет.

Сергей обернулся к своей бригаде, которая уже собиралась на подъем.

— Мужики, контейнеры наши. Сейчас поднимем, и за работу. Степан, ты со мной на верхнюю платформу, будем уплотнители менять. Остальные — к Алиеву, на стыковку.

— Есть! — ответили они хором.

Степан подошел к Сергею, лицо его под маской было бледным, но глаза уже не бегали.

— Шеф, я готов.

— Знаю, — Сергей подал ему страховочный трос. — Держись рядом. Если что — кричи.

— Не буду я кричать, — парень усмехнулся. — Я теперь высотник. Настоящий.

Сергей усмехнулся в ответ. Может, и настоящий. Посмотрим.

Гравитационные лифты, бесшумно поднимали их вверх. Кольцо росло, приближалось, превращалось из тонкой нити в гигантскую конструкцию. Через несколько лет, когда оно замкнется и заработает на полную мощность, люди будут вспоминать это время как эпоху великого строительства. Но сейчас, здесь, на высоте в тысячу метров, в мороз и ветер, никто не думал об эпохах. Они думали о том, чтобы не замерзнуть, не ошибиться, сделать свою работу и спуститься вниз.

Сергей ступил на платформу сегмента 14-Б, проверил крепления, огляделся. Кольцо под ногами было твердым, надежным, несмотря на то что парило в воздухе. Он на секунду замер, прислушиваясь к себе. Внутри растекалось спокойствие, как и на любой другой стройке, где он работал всю свою жизнь. Только масштаб был другим.

— Степа, давай инструмент, — сказал он, протягивая руку. — Начинаем.

Сергей нажал кнопку активации — пошла синяя искра сварочного лазера. Работа началась.

Тем временем в бытовом городке.

Баба Аня раздавала завтрак. Каша, чай, бутерброды. Третья смена только что вернулась с ночного дежурства, уставшая и замерзшая.

— Ну как там, наверху? — спросила она у одного из монтажников, молодого парня с обветренным лицом.

— Нормально, баб Ань, — ответил он, жуя бутерброд. — Двенадцатый сегмент достыковали. Завтра будем тринадцатый поднимать.

— Говорят, — что скоро новый контингент прибудет. Из Кореи. Все полегче будет.

— Работы много. Мост-то большой. Чем быстрее сделаем, тем лучше.

— Это да, — он допил чай, встал. — Спасибо, баб Ань. Пойду, посплю немного. Завтра опять на подъем.

— Иди, иди, — она махнула рукой. — Отдыхай. Завтра я пирожков напеку, с картошкой. Как у меня в деревне пекли.

— А вы откуда, баб Ань?

— Из Тамбова я, — ответила она. — Тамбовщина. Там сейчас тоже стройка, но другая. А я сюда приехала. Сына проведать.

— А он здесь?

— Здесь, — она кивнула. — Он на орбите. На верфях.

— Ого! — парень присвистнул. — Это ж здорово!

— Здорово, — согласилась баба Аня. — Только далеко. Видимся раз в неделю. Зато, когда мост достроят, может, чаще станем.

Она улыбнулась и пошла разливать чай следующему.

К вечеру ветер стих, и мороз стал не таким злым. Сергей, закончив с уплотнителями, спустился вниз, сдал инструмент, отчитался перед диспетчером. Потом зашел в столовую, выпил чаю, перекинулся парой слов с мужиками.

Выйдя на улицу, он поднял голову. Кольцо висело над тайгой, подсвеченное прожекторами. Оно росло медленно, но росло. И он знал, что завтра придут новые материалы, новая смена, новые бригады. И они продолжат. Потому что кто-то должен. Потому что, если не они, то кто?

Сергей Жуков поправил воротник, сунул руки в карманы и пошел в свой модуль. Спать. Завтра будет новый день.

Через три дня.

На главном экране ситуационного центра «Обсерватории-2» высветилось уведомление: «Сегмент 14-Б успешно интегрирован. Отклонения в пределах нормы. Следующий этап — калибровка гравитационных матриц».

Алина Астро, которая случайно зашла в центр, чтобы проверить данные, мельком глянула на экран.

— Сорок седьмой сегмент, — сказала она никому в частности. — Почти половина первого кольца.

— Через пять лет закончим, — ответил ей инженер за пультом. — Если так пойдет.

— Если, — повторила Алина. — Они там, наверху не жалуются?

— Жалуются, — усмехнулся инженер. — Постоянно. Но это так чтобы просто языками почесать.

— Это главное, — Алина отвернулась от экрана. — Пусть жалуются. Лишь бы строили.

Она вышла из центра на небольшую смотровую площадку, прилепленную к скальному массиву, где всегда было ветрено и холодно, но откуда открывался лучший вид. Мороз ударил в лицо, но она не обратила внимания — привыкла. Подняла взгляд вверх.

Там, в космосе, на высоте четырёхсот пятидесяти километров, строилась конечная точка Сибирского моста. Последнее кольцо, главный узел, который когда-нибудь свяжет Землю с орбитой непрерывным потоком. Станция «Вавилон» ещё не была завершена, но её очертания уже проявлялись на ночном небе — пока только в форме сильно уходящего месяца, тонкой дуги, подсвеченной огнями строительных платформ. От неё, словно лучи, расходились линии верфей — как у солнца из детского мультика, только холодного, металлического. Алина смотрела на эту картину и чувствовала странное, почти забытое: гордость. Не за себя, а за этих людей, которые на морозе, на ветру, в невесомости собирали будущее по кускам.

И вдруг небо над горизонтом полоснула яркая, но не крупная вспышка. Белая, резкая, она вспыхнула на секунду и погасла, оставив после себя быстро угасающий след. Алина не сразу поняла, что видит: что-то падало. Косо, под острым углом, с черным шлейфом, который тут же развеялся в верхних слоях атмосферы. Болид? Метеорит? Обломок старого спутника? Но спутники давно уже были убраны с орбиты или переведены на другие траектории. А этот летел не по баллистической кривой, а как-то странно, словно его толкнули.

Сердце пропустило удар. Она машинально выхватила из кармана коммуникатор, пальцы уже набирали код прямой связи с «Обсерваторией».

— Это Космодемьянская. У меня визуальный контакт: объект в атмосфере, сектор западный, траектория падения — ориентировочно в районе Урала. Немедленно проверьте все данные слежения. Сейчас же.

Она не договорила, потому что в наушнике уже зашипел встревоженный голос дежурного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.